

М. Г. АЛЬТШУЛЛЕР

ЛИТЕРАТУРНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Державина И «БЕСЕДА ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОГО СЛОВА»

Последние годы жизни Державина почти целиком были посвящены созданию обширного литературного трактата «Рассуждение о лирической поэзии или об оде». Эта работа, хотя и законченная автором, в полном виде не была опубликована (смерть Державина прервала подготовку рукописи к печати). Впрочем, значительные ее разделы были прочитаны автором на заседаниях «Беседы» и напечатаны в ее «Чтениях».

Во многом «Рассуждение» связано с традициями классицизма, для которого особенно характерно стремление к строгому определению жанров и тщательная разработка их теории. Однако оно в значительной степени отражает и новые литературные веяния, связанные с творческими устремлениями и самого Державина, и многих других членов «Беседы».

В самом начале работы Державин рассматривает лирическую поэзию прежде всего как проявление творческого духа поэта: «Лирическая поэзия... отлив разгоряченного духа; отголосок растроганных чувств; упоение или изливание восторженного сердца... Она (ода, — М. А.) не есть, как некоторые думают, одно подражание природе, но и вдохновение оной, чем и отличается от прочей поэзии. Она не наука, но огонь, жар, чувство».¹

Далее, переходя к характеристике различных видов вдохновения, Державин пишет: «Вдохновение не что иное есть как живое ощущение, дар неба, луч божества. Поэт... приходит в восторг, схватывает лиру и поет, что ему велит его сердце...

---

¹ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. VII. СПб., 1876, стр. 531—532. — В дальнейшем: Державин.

В прямом вдохновении нет ни связи, ни холодного рассуждения...».²

Интерес этих положений Державина заключается в том, что он, говоря о вдохновении, ни словом не упоминает о рассудке, который, по теории классицизма, должен управлять порывами вдохновения, что было афористически четко сформулировано Буало в «Науке поэзии» и подхвачено его многочисленными последователями.

Буало говорит об оде: «*Chez elle un beau désordre est un effet de l'art*» (Ее рассчитанный беспорядок есть следствие искусства). Баттё, за которым Державин, по собственному признанию, следовал, подчеркивает, что вдохновение — не непосредственное чувство, а результат искусственного, т. е. в конечном счете рассудочного, разгорячения художника: «Сие чувство собственно называется Исступлением не в то время, когда оно натурально, то есть когда оно существует в человеке, ощущающем оное по самой действительности своего состояния; но только тогда, когда оно находится в Артисте, Поэте, Живописце, Музыканте; когда оно происходит от воображения, искусственно разгоряченного предметами, кои оно представляет себе во время сочинения».³

Н. Остолопов в «Словаре древней и новой поэзии» формулирует это положение педантически точно со свойственной эпигонам классицизма ограниченностью: «Однако ж таковая стремительность его (беспорядка, — М. А.) непременно должна быть, ежели не управляема, по крайней мере сопровождается рассудком, а без того *беспорядок* не будет действием искусства и никому не понравится».⁴

Как известно, представление о вдохновении, не зависящем от воли самого поэта, как основном источнике творчества было сформулировано еще Платоном: «Все хорошие эпические поэты не благодаря уменью слагают свои прекрасные поэмы, а только тогда, когда становятся вдохновенными и одержимыми... поэт — это существо легкое, крылатое и священное; он может творить не ранее, чем сделается вдохновенным и иступленным и не будет в нем более рассудка».⁵

Создатели поэтики классицизма не могли игнорировать это общеизвестное положение. Однако, стремясь к регламентации,

² Державин, т. VII, стр. 536.

³ Ш. Баттё. Начальные правила словесности, т. III. М., 1807, стр. 232—233.

⁴ Н. Остолопов. Словарь древней и новой поэзии, ч. II. СПб., 1821, стр. 241.

⁵ Платон. Ион, 533E—534B.

нормативности, они подчинили строгим правилам рассудка и само вдохновение. Напротив, в пору развития романтизма идеи Платона в полемике с классицизмом получают, как известно, особенно широкое распространение.⁶

Показательно, что один из самых правоверных последователей классицизма в «Беседе» Д. И. Хвостов, упрекавший Державина в том, что его «Рассуждение» «не иное есть, как перевод из слова в слово аббата Баттё, но умноженный или, лучше сказать, разжиженный неосновательными понятиями и ложными заключениями...», в числе этих ложных заключений отметил и выписал прежде всего замечания Державина о вдохновении.⁷

Последовательно выдержать свою позицию Державин, однако, не сумел: в его дальнейших рассуждениях мы найдем мелочную регламентацию совершенно в духе традиций классицизма. Так, он тут же делит вдохновение на виды: грозное, гневное, нежное, умиленное и т. д.⁸ Вопреки собственной поэтической практике он, вслед за Шишковым, настаивает на строгом, по Ломоносову, стилевом разделении жанров: «...гимн и ода заимствуют свое наречие, свои краски, свою силу от восплаемого ими предмета; но никогда площадных или простонародных слов себе не дозволяют...». Правда, тут же поэт, свободно перемешивающий в собственных стихах высокое и низкое, добавляет ограничение столь жестко сформулированного правила: «Разве в таком роде будут писаны».⁹

Однако принятое в начале «Рассуждения» положение о свободном, вдохновенном поэте вступало в противоречие со скрупулезной классификацией и приводило Державина к выводам, отходящим от поэтики классицизма.

В четвертой, неопубликованной, части «Рассуждения» Державин, подчеркивая, что он следует за «новейшими словесниками», подразделяет оды на различные «статьи»: духовную, героическую, философскую и пр. Затем приводит ряд еще более мелких подразделений, среди которых: генетлиатическая, или на день рождения; эпиталамическая, или на брачное соче-

⁶ См., например: А. И. Белецкий, Избранные труды по теории литературы. Изд. «Просвещение», М., 1964, стр. 53 и сл.

⁷ Д. И. Хвостов. Записки о словесности. В кн.: Литературный архив, т. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 375.

⁸ Державин, т. VII, стр. 537—550.

⁹ Там же, стр. 536. — Ср. у Шишкова: «...простые и низкие понятия важным и возвышенным слогом описывать неприлично» (Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803, стр. 212).

тание; эвхаристическая, или благодарственная, и т. д.¹⁰ Заканчивая это перечисление в подготовительных материалах к «Рассуждению», поэт прибавляет: «...и прочие школьные враки, на которые прежде разделяли всю вообще поэзию».¹¹ В белом тексте формулировка несколько смягчена: «Но я скажу: Ежели названия не придают вещам уважения без прямого достоинства, то должно со мной согласиться, что таковые разделения не что иное, как школярный вздор...».¹²

Далее Державин предлагает свою классификацию поэзии, в основе которой лежит творческая индивидуальность крупнейших поэтов. Разделяя принятое всеми теоретиками классицизма античное представление об искусстве как подражании природе, он подчеркивает, что в способах этого подражания выражается творческая личность поэта, что и является в искусстве самым важным, решающим: «Но когда раздел непременно нужно, то можно бы оный установить не по содержаниям вещей в песнях, но по свойствам или именам славных песнопевцев, для того, что не токмо стихотворство, но и другие искусства суть слепок творческого духа с природы, или подражение оной; но у всякого гения есть своя собственность, или печать его дара, которым он от других отличается».¹³ Державин предлагает называть героическую оду Пиндарической, любовную — Сафической, роскошную — Анакреонтической, а меланхолическую — Оссиянскою.¹⁴ Полного разрыва с делением по содержанию здесь еще нет, но все же на передний план Державин выдвигает представление о поэтической индивидуальности. Принципиальность этих положений Державина была замечена митрополитом Евгением и вызвала его критику: «Советую вам не вооружаться против сего разделения поэзии. Оно не школярное, а коренное Греческое... Сие разделение по материям весьма естественно. А ваше разделение по песнопевцам вовсе не годится...».¹⁵ Подчиняясь авторитету своего ученого друга, Державин вычеркнул соответствующие страницы в подготовленном к печати тексте «Рассуждения» в угоду общепринятой точке зрения,¹⁶ но, как свидетельствует ответное письмо Евгению, остался при своем мнении: «...педантские

¹⁰ Отдел рукописей ГПБ (Ленинград), ф. 247, Державин, т. 5, лл. 114 об.—115. — В дальнейшем: Архив Державина.

¹¹ Там же, л. 189 об.

¹² Там же, л. 115—115 об.

¹³ Там же, л. 115 об.

¹⁴ Там же, л. 116 об.

¹⁵ Державин, т. 6, стр. 354.

¹⁶ Архив Державина, т. 5, лл. 115 об.—116 об.

разделы лирических стихотворений я не очень уважаю, но чтоб не поднять всю ораву школ на себя, переменяю, несколько только касаясь».¹⁷

В одном ряду с этими рассуждениями Державина можно воспринять и интереснейшую полемику о Гомере, развернувшуюся на страницах «Чтений». Пока «Илиада» рассматривалась прежде всего как эпическая поэма, т. е. как произведение, строго прикрепленное к ряду аналогичных явлений мировой литературы («Энеида», «Генриада», «Россиада» и пр.), перевод ее александрийским стихом с рифмой ни у кого не вызывал возражений и работа Кострова была встречена общими похвалами. Когда же встала задача «представить отлепок творения Омерова в духе оригинала, с его формами и со всеми оттенками, таким образом, чтоб мы имели в глазах не Кострова, не Гнедича, но Омера — Омера в чистейшем созерцании природной его красоты»,¹⁸ тогда Уваров в полемике с Капнистом провозгласил известный тезис: «Омер в русском зипуне столько же мне противен, как и во французском кафтане».¹⁹

В державинской классификации оды по «песнопевцам» особенно интересно упоминание Оссиана, творчество которого характеризуется «мрачными описаниями природы, тенями героев, в облаках летающими, и унынием, от слепоты и старости происходящим».²⁰

Приблизительно в эти же годы и сам Державин отдает дань увлечению Оссианом, своеобразную поэзию которого он пытается воссоздать в стихотворении «Жилище богини Фригии» (1812). Как Уваров требовал для Гомера оригинальной формы воплощения на русском языке, так же и Державин стремится найти новые способы для выражения оссиановских настроений:

Братге скальда мчал сквозь дебри темны.
В ужасе без чувств скальд трепетал,
Вои слыша волчьи, вранов стоны
И зря, древ с вершин как огонь сверкал...²¹

В письме к П. Г. Головкину по поводу этих стихов Державин говорит о подражании Оссиану и сознательном стремлении к трудности: «Я признаюсь, что оно необыкновенными и трудными стихами написано, не может и показаться вдруг по не-

¹⁷ Державин, т. VI, стр. 382.

¹⁸ С. С. Уваров. Ответ В. В. Капнисту на письмо его об экзаметре. Чтение 17-е в «Беседе любителей русского слова». СПб., 1815, стр. 55—56.

¹⁹ Там же, стр. 61—62.

²⁰ Архив Державина, т. 5, л. 116.

²¹ Державин, т. III, стр. 80.

которым особенно мрачным идеям; но мне хотелось во вкусе Оссиана тех времен и тех стран сличить нечто, когда скандинавы с Дуная перешли на север».²²

Теоретическое обоснование намеренной затрудненности стиха Державин мог найти у Радищева,²³ к литературным идеям которого в «Беседе» относились с большим вниманием и сочувствием. Уваров в упоминавшемся письме, полемизируя с Капнистом, приводит в защиту трехсложных размеров большой отрывок из сочинения г. Р<адищева>, «о котором Российские музы не без сожаления вспоминают...»,²⁴ цитируя, кстати сказать, ту самую главу «Тверь», где находится рассуждение о «трудности». Демонстрирует свое уважение к Радищеву и оппонент Уварова В. В. Капнист: «Признаюсь, мысли сего просвещенного человека во многих частях достойны уважения».²⁵

Для европейского преромантизма произведения Оссиана наряду с Гомером были проявлением свободного творческого духа, не связанного заранее принятыми правилами.²⁶ На страницах «Чтений в „Беседе“» мы найдем переводы из Оссиана, и, вероятно, очевидная для преромантизма близость Оссиана и Гомера привела к тому, что гомеровский размер оказался употребленным и для русского Оссиана:

В мрачной долине, где шумно стремятся с гор пенные воды,
Скорбью объятый, ко древу уклонись, стоял воздыхая...²⁷

Наряду с этим оссиановская тематика употребляется для создания жестокого романса, построенного на характерных преромантических мотивах, точно сформулированных Державиным в определении оссиановской поэзии:

Ветер свищет, завывая,
Бьетса о берег волна,
Распростерлась ночь густая,
Я скитаюся одна!²⁸

²² Там же, стр. 83.

²³ «Он (стих, — М. А.) очень туг и труден на изречение ради частого повторения буквы т и ради соития частого согласных букв бства тъму претв — на десять согласных три гласных... хотя иные почитали стих сей удачным, находя в негладкости стиха изобразительное выражение трудности самого действия» (А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 354).

²⁴ Чтение 17-е, стр. 58.

²⁵ В. В. Капнист, Собрание сочинений, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 218.

²⁶ См., например: И. Г. Гердер, Избранные сочинения. Гослитиздаг, М.—Л., 1959, стр. 43, 44.

²⁷ В. Н. Олин. Темора. Отрывок из пятой песни Оссиановой поэмы. Чтение 14-е. 1815, стр. 60.

²⁸ Пав. М и ж у к о в. Сальгар и Кольма. Чтение 16-е, 1815, стр. 43.

Рассуждения о творческой индивидуальности как основе изучения поэзии закономерно приводят Державина к популярной у теоретиков романтизма мысли об эстетическом значении самобытной национальной культуры. Впрочем, об историческом развитии лирической поэзии, переходящей от одного народа к другому, говорили европейские и русские авторы XVIII в. и до романтиков. Это было сформулировано в идее о «странствовании муз». Отражение этой идеи мы находим у Державина: «Египтяне, евреи, индейцы, персы и прочие восточные народы не могут не почестся древнейшими греков и латинян, от коих в средние века, как многие писатели уверяют, на западе барды, а на севере скальды принесли образцы песен к цельтам, германам, англосаксам, исландам, коледонянам и скандинавам».²⁹ В этом перечислении начисто отсутствует характерное для классицизма безоговорочное признание абсолютного превосходства античной литературы над всеми остальными: каждый народ, считает Державин, создает свои эстетические ценности, которые заслуживают пристального внимания читателя и исследователя. Более того, исходя из известного положения Гердера, Державин даже подчеркивает, что поэзия диких и первобытных народов обладает достоинствами, не известными литературам цивилизованных стран: «...вообще примечается, что чем народ был дичее, тем пламеннее было его воображение, отрывистее и короче слог, менее связи, распространения и последствий в идеях, но более живописной природы в картинах и более вдохновения».³⁰ Исходя из этих представлений, Державин включает в рассуждения материалы о восточных литературах — индийской, китайской, персидской, — обращаясь за сведениями к наиболее авторитетным специалистам: известному индологу Лебедеву,³¹ крупным китаистам-переводчикам Каменскому и Липовцеву и др.³²

²⁹ Архив Державина, т. 5, л. 124.

³⁰ Державин, т. VII, стр. 535. — Ср.: «... чем более диким, то есть чем более живым, чем более свободным в своей деятельности является народ... тем более дикими, то есть живыми, свободными, чувственными, лирическими и исполненными действия, должны быть и песни его...» (И. Г. Гердер, Избранные сочинения, стр. 27—28). Следует отметить, что до Гердера о ценности поэзии «диких» народов говорил А. П. Сумароков в небольшой статейке «О стихотворстве камчадалов» (А. П. Сумароков, Полное собрание всех сочинений, ч. IX, М., 1787, стр. 248).

³¹ См.: М. Г. Альтшуллер. Лебедев и Державин. Народы Азии и Африки, 1963, № 4, стр. 126—129.

³² Архив Державина, т. 5, лл. 203—206.

Интересы Державина и в этом случае не расходились с литературными симпатиями других членов «Беседы», которые отдавали дань модной для романтизма восточной тематике с ярко выраженным этнографическим колоритом, что отметил еще Г. А. Гуковский.³³ Таково, например, в первой книжке «Чтений» стихотворение Д. Горчакова «Аише и Али», в котором рассказывается об убитом по дороге к возлюбленной молодом татарине.

В одном из последних «чтений» напечатана «Песнь Курайча рифейских гор», где в условно-башкирской форме (по примеру державинской «Фелицы») воспевается победа над Наполеоном. Мы найдем здесь мрачные картины в духе Оссиана и «Слова о полку Игореве», воспринимавшегося в оссиановском ключе:

... и хищный зверь горами
Стремится к полночи бежать;
И враны черные стадами
Туда ж пустились оплетать.
.....
Совы средь ясна дня летели,
В колчанах стрелы зашумели,
На луке взвыла тетива.³⁴

Для усиления местного колорита в тексте употребляются такие слова, как *курайча*, *туйгун*, *аул*, *Дадыжал* и др., объясненные затем в примечаниях. Число подобных примеров можно было бы значительно умножить.

Естественно, что при таком большом интересе к различным национальным литературам Державин проявляет особое внимание к русскому фольклору. Как известно, именно в последние годы своей жизни он создает целый ряд произведений, построенных на материале устного народного творчества. Таковы, например, романсы «Царь-девица», «Новгородский волхв Злогор», опера «Добрыня».³⁵

В «Рассуждении» Державин резко отрицательно отзывался о былинах, которые «одноцветны, однотонны... и без всякого вкуса»,³⁶ впрочем, из них можно «много заимствовать

³³ Г. А. Гуковский. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946, стр. 9.

³⁴ Чтение 13-е. 1813, стр. 98.

³⁵ См.: Ю. М. Лотман. Записи народных причитаний начала XIX века из архива Г. Р. Державина. Русская литература, 1960, № 3, стр. 145—150; Г. Н. Ионин. Фольклорные мотивы в поэзии Г. Р. Державина 1800-х годов. Русский фольклор. Материалы и исследования, вып. VII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 52—66.

³⁶ Державин, т. VII, стр. 614,

чудесных происшествий»,³⁷ что, к слову сказать, поэт и делает в опере «Добрыня». Таким образом, и отрицание былин не является у Державина достаточно последовательным. Поэтические же достоинства народных песен автор «Рассуждения» оценивает очень высоко. Он подчеркивает их непосредственность («ближе к природе, нежели к искусству»),³⁸ видит в них «не только живое воображение дикой природы, точное означение времени, трогательные, нежные чувства, но и философское познание сердца человеческого».³⁹

Глубокий интерес к фольклору отличает деятельность главного вдохновителя «Беседы» А. С. Шишкова. Во вступительной речи на открытии общества он в числе трех родов словесности на втором месте называет народную⁴⁰ и в том же 1811 г. выпускает известные «Разговоры о словесности», которые явились первым по времени сочинением по поэтике народного творчества.⁴¹ В своих беглых замечаниях о поэтике народных песен Державин опирается на эту книгу Шишкова, когда говорит об отрицательных сравнениях и усеченных прилагательных как основных особенностях народной песни.⁴² Заканчивая свой разбор народных песен, Державин ссылается на «с великой основательностью писанные Шишковым „Разговоры о словесности“».⁴³

Таким образом, в «Рассуждении» Державина отразилась, с одной стороны, поэтика классицизма с ее строгой регламентацией и тщательно разработанной системой жанров, с другой — новые литературные веяния, сказавшиеся прежде всего в трактовке вдохновения как непосредственного, не зависящего от поэта порыва, во внимании к оригинальному, самобытному творчеству, не ограниченному заранее заданными правилами, в интересе к фольклору.

Сопоставление «Рассуждения о лирической поэзии» с материалами «Чтений в „Беседе любителей русского слова“» показывает, что и некоторые другие члены «Беседы» проявляют большой интерес к тем же новым для того времени литературным проблемам, которые несколько позже были названы романтическими.

³⁷ Там же, стр. 610.

³⁸ Там же, стр. 612.

³⁹ Там же, стр. 612—613.

⁴⁰ Чтение 1-е, 1811, стр. 38.

⁴¹ М. К. Азадовский. История русской фольклористики. М., 1958, стр. 146.

⁴² Державин, т. VII, стр. 612.

⁴³ Там же, стр. 614.

Сложный вопрос о литературной позиции «Беседы», несомненно, заслуживает специального изучения.

Можно также сказать, что достаточно широко распространенные представления о Державине как безвольном орудии в руках Шишкова⁴⁴ или об охлаждении и пренебрежении Державина к «Беседе»⁴⁵ нуждаются, по крайней мере, в серьезных коррективах.

Для Державина «Беседа» была той достаточно благодарной аудиторией, к которой он охотно обращался с результатами своих поэтических и теоретических трудов.

---

⁴⁴ Я. Грот. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам. СПб., 1880, стр. 863. См. также: История русской литературы, т. V. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 189.

⁴⁵ В. Западов. Гаврила Романович Державин. Биография. Изд. «Просвещение», М.—Л., 1965, стр. 149.